

Итакъ: 1) *знаніе и уваженіе* въ смыслѣ слѣдованія, *примѣненія принциповъ*, 2) *преимущественное значеніе качества* передъ *количествомъ*, 3) *важность духовной стороны* по сравненію съ *матеріальной*, 4) *первенствующее значеніе человека*, а не *машинъ*, 5) *превосходная всесторонняя подготовка начальниковъ* и 6) *необходимость слѣдованія національнымъ путемъ* — таковы тѣ *первичныя основныя положенія*, при наличіи которыхъ только и можетъ естественно, самобытно и совершенно развиваться военное искусство.

А разъ это такъ, то эти же положенія, какъ *первично-основныя*, должны быть приняты, какъ *безусловно обязательныя* при строительствѣ будущей русской арміи, дабы она была во всеоружіи для той борьбы, которую ей *придется несомнѣнно вести* за существованіе, честь, достоинство и лучшее будущее Великой Национальной Россіи.

А. Баювъ.

ЗАМѢТКИ О РУССКОМЪ СУДѢ по судебнымъ уставамъ Императора Александра II.

Творцы судебныхъ уставовъ насадили у насъ иностранныя судебныя порядки, въ которые внесли, однако, отдѣльныя, вызванныя особенностями нашихъ условій, измѣненія. Русский судъ — наиболѣе чужеземное по своимъ формамъ изъ нашихъ государственныхъ учреждений. А между тѣмъ, именно въ русскомъ судѣ русский духъ напелъ себѣ наиболѣе яркое выраженіе.

Объясненіе этого парадокса — въ самой природѣ правосудія. Судъ — не только техническій аппаратъ, приспособленный къ разрѣшенію споровъ определенной категоріи между сторонами. На всемъ протяженіи человѣческой исторіи онъ былъ и остается по сей день *главной цитаделью права*. Больше того. Населеніе еще не отвыкло искать у него того высшаго блага, которое онъ именуетъ «правдой». Разсудить дѣло «по справедливости», по-божески — въ этомъ, съ точки зрѣнія народнаго міросозерцанія, основное заданіе суда. Выкованная римскимъ гениемъ формула: «*res iudicata pro veritate habetur*»¹⁾ еще не сдана въ архивъ исторіи. Судъ по сей день еще несетъ сверхчеловѣческую функцію провозглашенія истины. Отсюда — мистическій характеръ правосудія, его связь съ религіей. Связь эту безсильно было окончателно порвать и отдѣленіе государства отъ церкви. И въ обмірщенныхъ государствахъ судебныя дѣйствія продолжаютъ сопровождаться особымъ тор-

¹⁾ «Рѣшеніе суда считается истиной».

жественнымъ обѣщаніемъ — этимъ лицемѣрнымъ суррогатомъ обращенной къ небу присяги.

Судъ не можетъ творить своего дѣла безъ непосредственнаго участія широкихъ круговъ населенія. Онъ нуждается не только въ техническомъ персоналѣ коронныхъ судей, прокуроровъ и адвокатовъ, не только въ привлеченіи къ исполненію судейскихъ обязанностей выборныхъ представителей населенія въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, шеффеновъ, но и въ сотрудничествѣ сторонъ, свидѣтелей, свѣдующихъ лицъ. Наряду съ этимъ, безъ печати, безъ публики въ засѣданія, онъ лишается нужной ему гласности, хирѣетъ отъ недостатка свѣта и воздуха.

При этихъ условіяхъ отправленіе правосудія неизбѣжно пріобрѣтаетъ національный характеръ.

Долговременное принудительное пребываніе на чужбинѣ научило насъ цѣнить наше прошлое, не ослабило, а укрѣпило нашу духовную связь съ родиной. «Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куеетъ булатъ». Особенно ярко свѣтитъ въ этомъ прошломъ ореолъ, окружающій русскій судъ по уставамъ Императора Александра II. Часто приходится слышать, что правосудіе поставлено было у насъ выше, чѣмъ на западѣ. Судить о сравнительныхъ достоинствахъ иностранныхъ судебныхъ системъ намъ не дано. Русскій судъ имѣетъ для насъ и только для насъ неоспоримое, присущее ему одному, достоинство: онъ былъ русскимъ, въ немъ жилъ русскій духъ.

Въ чемъ проявились свойственныя ему особенности? Какое именно содержаніе вложилъ русскій народъ въ заимствованныя на Западѣ формы?

Вотъ главный, пожалуй, единственно нужный вопросъ, который мы теперь на чужбинѣ должны себѣ ставить, подходя къ оцѣнкѣ русскаго суда въ прошломъ.

Пишущій эти строки не претендуетъ его разрѣшить. Его задача дать матеріаль для размышленій надъ нимъ. Настоящія замѣтки — личные впечатлѣнія, воспоминанія, не изслѣдованіе.

Въ области этихъ личныхъ переживаній въ прошломъ, личныхъ впечатлѣній въ настоящемъ — есть одно основное. Въ Россіи было живо *мистическое начало правосудія*. Оно было живо какъ въ народной массѣ, такъ и въ средѣ профессиональныхъ судебныхъ работниковъ, въ лицѣ судей, прокуроровъ, адвокатовъ, судебной молодежи. Вѣра въ святость дѣла правосудія у насъ не была изжита. Она горѣла, подчасъ подъ пепломъ скептицизма, матеріальныхъ интересовъ, но священный огонь еще не погасъ. Судъ въ Россіи былъ храмомъ правосудія, храмомъ, а не присутственнымъ мѣстомъ. Служители его священнодѣйствовали, а не отбывали будничную повинность. Судебная работа въ Россіи еще была призваніемъ, еще не превратилась въ ремесло. Живой духъ, который творцы

судебныхъ уставовъ вдохнули въ свое созданіе, не умеръ до конца.

И это всюду, на всемъ безконечномъ протяженіи нашей родной дали. Судить о русскомъ судѣ можетъ только тотъ, кто наблюдалъ его, работалъ въ немъ не въ столицахъ, не въ большихъ центрахъ, а въ глуши, не при электрическихъ люстрахъ судебныхъ залъ, а въ деревянныхъ домикахъ уѣздныхъ съѣздовъ, среди зипуновъ и овчинъ, при свѣтѣ тускло мерцающихъ керосиновыхъ лампъ. Только тому, для кого пламя торжественнаго служенія святому дѣлу горѣло и въ этой обстановкѣ, раскрыто все значеніе правосудія въ Россіи.

Все это можетъ казаться старческой переоцѣнкой невозвратнаго прошлаго. Однако, вотъ массовое, знаменательное въ своей обыденности явленіе, извѣстное всякому участнику, всякому поствителю судебныхъ засѣданій «бывшей» Россіи. Это образцовый порядокъ и тишина, господствовавшія въ засѣданіяхъ нашихъ судовъ, несмотря на отсутствіе въ населеніи привычки къ общественной дисциплинѣ. Церковь и храмъ правосудія — два мѣста, гдѣ предоставленная сама себѣ масса не допускала ни безпорядка, ни шума, при отсутствіи какого-либо принужденія. Тишина всегда полная.

Въ моментъ провозглашенія резолюцій отъ имени Монарха, приведенія къ присягѣ, она пріобрѣтала особо торжественный характеръ. Возгласъ судебного пристава передъ выходомъ суда: «судъ идетъ, приглашаютъ встать», неизмѣнно производилъ дѣйствіе военной команды. Вспоминаются левольно судебныя засѣданія Правительственнаго Сената по дѣлу бывшего военнаго министра генерала Сухомлинова. Это было въ августѣ 1917 года, за два-три мѣсяца до большевицкаго переворота. Дѣло слушалось въ Петроградѣ, въ концертномъ залѣ военнаго собранія, стѣны котораго не впитали въ себя судебныхъ традицій. Хоры были переполнены хозяйничавшей въ столицѣ чернью въ солдатскихъ шинеляхъ. И въ этой обстановкѣ все замерло и поднялось, услышавъ привычный возгласъ престарѣлаго судебного пристава Петроградскаго Окружнаго Суда Солуяна.

Отзвукъ тѣхъ же общенародныхъ настроеній—въ сохранившейся у насъ любви къ торжественнымъ формамъ судебной процедуры.

На Западѣ червь обыденщины давно уже проточилъ и великолѣпія дворцовъ правосудія и театральные костюмы магистратуры и адвокатуры.

У насъ любители и мастера судебного ритуала сохранились до послѣдняго времени. Все происходило съ точнымъ, неукоснительнымъ соблюденіемъ всѣхъ предписанныхъ закономъ формъ, но безъ всякаго напряженія, при благожелательномъ и внимательномъ отношеніи къ подсудимымъ, сторонамъ, публикѣ. Въ залѣ засѣданія устанавливался духъ свободной само-

дисциплины. Люди не чувствовали никакого стѣсненія, но ходили безшумно, говорили шопотомъ. Въ такой атмосферѣ сцены, такъ нерѣдко разыгрывающіяся въ роскошныхъ дворцахъ правосудія на Западѣ, были просто невозможны.

То-же впечатлѣніе и отъ непосредственнаго соприкосновенія съ отношеніемъ населенія къ правосудію при сотрудничествѣ съ нашими присяжными засѣдателями, крестьянскихъ составовъ въ особенности. Вотъ гдѣ подчасъ звучалъ подлинный голосъ народной совѣсти, чувствовался искренній порывъ разсудить дѣло справедливо, по Божески! Сколько волнующихъ сердце разсказовъ пришлось выслушать отъ лицъ культурной среды послѣ отбытія сессіи въ качествѣ присяжныхъ въ средѣ такихъ полуграмотныхъ, «темныхъ» людей! Какъ много упрековъ въ произвольныхъ оправданіяхъ, что такъ охотно бросалось «суду улицы», отпало бы, если бы хулители сами переживали судимыя дѣла. Помню разсказъ одного изъ такихъ обличителей суда присяжныхъ о томъ, какъ онъ самъ, да еще въ качествѣ старшины состава, участвовалъ въ единогласномъ вердиктѣ, которымъ былъ оправданъ воръ-рецидивистъ, сознавшійся и изобличенный въ кражѣ. Дѣло разсматривалось въ Нижнемъ Новгородѣ, при «сѣромъ» составѣ присяжныхъ. Главными свидѣтелями со стороны обвиненія выступали супруги-закладчики. На судѣ съ полной очевидностью выяснилось, что подсудимый давно «работалъ» на своихъ обвинителей, сбывая имъ за ничтожную плату краденныя вещи. На этотъ разъ они его выдали, чтобы самими выйти сухими изъ воды, что имъ и удалось. Когда присяжные засѣдатели удалились для совѣщанія, старшина, онъ-же разказчикъ, считая дѣло яснымъ, сразу обратился къ нимъ съ вопросомъ: «Что-же, господа, писать «виновень»?» Съ разныхъ сторонъ послышались голоса: «Знамо дѣло, виновны, такъ и пишете и про вора, и про закладчика, и про его жену.» Старшина возразилъ, что закладчики — свидѣтели, судить ихъ присяжные не уполномочены, да и вопросъ объ ихъ виновности судомъ не поставленъ. Кое кто изъ состава судей совѣсти сталъ высказывать сомнѣніе въ возможности такого положенія: «Не можетъ того статья, чтобы мы не могли при этомъ случаѣ своего слова сказать, когда при насъ все это наружу вышло.» Старшина предложилъ сомнѣвающимся потребовать дополнительныхъ разъясненій предсѣдателя. Вышли въ залъ засѣданія. Предсѣдатель, выслушавъ заявленіе присяжныхъ, предложилъ сторонамъ высказаться. Все окончилось бы ко всеобщему удовлетворенію, если бы представитель прокуратуры заявилъ ходатайство передъ судомъ о возвращеніи дѣла слѣдователю для привлеченія въ качествѣ обвиняемыхъ закладчиковъ-укрывателей или обѣщалъ возбудить о нихъ особое дѣло. На грѣхъ молодой товарищъ прокурора, не понявъ, что дѣло тутъ не въ фомальномъ правѣ судить свидѣтелей, а въ необходимости

успокоить судейскую тревогу присяжныхъ, произнесъ общую фразу о неприкосновенности свидѣтелей. Вернулись судьи совѣсти въ совѣщательную комнату. На этотъ разъ на вопросъ старшины: «ну, что-же, господа?», наступило продолжительное, суровое молчаніе. Нарушилъ его одинъ изъ старѣйшихъ по возрасту судей, мѣстный купецъ изъ «простыхъ». «А коли такъ», твердымъ, почти приказательнымъ голосомъ обратился онъ къ старшинѣ: «пиши, что не виновенъ.» Воръ оправданъ былъ единогласно. Не протестовалъ и старшина. Всякій русскій судебный дѣятель знаетъ, что непривлечение въ качествѣ обвиняемаго къ дѣлу лица, по убѣжденію присяжныхъ, участвовавшаго въ преступленіи обычно влекло за собой оправданіе виновниковъ преступленія, преданныхъ суду. Несправедливость неизмѣнно вызывала рѣзкій протестъ суда совѣсти.

Ввѣренная присяжнымъ засѣдателямъ судебная власть была безконтрольна. Законъ освобождалъ ихъ отъ обязанности мотивировать свои вердикты. Надъ судомъ совѣсти не существовало высшей инстанціи, уполномоченной къ провѣркѣ постановляемыхъ имъ рѣшеній по существу. При неподготовленности населенія къ несенію судейской обязанности, создавалась несомнѣнная опасность худшаго изъ произволовъ. произвола судебного. Теперь уже не приходится оспаривать общепризнаннаго успѣха судебной реформы 1864 года. Могущая казаться безпочвенной вѣра творцовъ судебныхъ уставовъ въ русскій народъ, подавляющая масса котораго еще недавно освобождена была отъ крѣпостной зависимости, блестяще оправдала себя въ дѣйствительности. Только притупленное классовымъ міросозерцаніемъ нравственное чувство, только придавленный марксизмомъ умъ могутъ русскій судъ вообще русскій судъ присяжныхъ засѣдателей въ частности, признавать классовымъ, то естъ органически пристрастнымъ. Только недомысліе или предвзятость могутъ отвергать нравственный авторитетъ приговоровъ и рѣшеній русскихъ судовъ, вѣру населенія въ безпристрастіе русскихъ судей. А моральная побѣда эта далась не легко. Нужны долгіе годы работы въ нашемъ судѣ, съ русскимъ судомъ присяжныхъ въ частности, чтобы знать, какъ много соблазновъ пристрастія преодолѣно на этомъ пути. Вотъ одинъ изъ случаевъ такого преодолѣннаго соблазна.

Въ гор. Старицѣ Тверской губерніи разсматривалось, съ участіемъ присяжныхъ, дѣло цыгана, обокравшаго мѣстнаго крестьянина. Полиція успѣла задержать вора со всѣмъ, безъ исключенія, похищеннымъ добромъ, которое до послѣдняго гвоздя было возвращено потерпѣвшему. Все пропало бы безъ осложнений, но на грѣхъ обокраденный мужикъ «по слухамъ» прозналъ, что у цыгана при задержаніи было найдено 500 рублей денегъ. Подумалъ потерпѣвшій, да и отправился къ слѣ-

дователю съ дополнительнымъ заявленіемъ: «Запамятовалъ я вамъ, ваше благородіе, прошлый разъ сказать, что у меня, кромѣ вещей, еще 500 рублей денегъ пропало.» Слухи о деньгахъ оказались соотвѣтствующими дѣйствительности. Заарестованная при цыганѣ сумма въ 500 рублей была отъ него отобрана и сдана на храненіе въ мѣстное казначейство. Слѣдователь составилъ протоколъ дополнительнаго заявленія потерпѣвшаго и такъ какъ по характеру произведеннаго воровъ взлома стоимость похищеннаго уже не могла имѣть значенія увеличивающаго вину обстоятельства, направилъ дѣло въ прокуратуру, не провѣривъ новой версіи. Въ результатѣ по обвинительному акту цыгану было предъявлено обвиненіе въ кражѣ не только вещей, но и 500 рублей денегъ. На судѣ вся исторія выяснилась. Было совершенно очевидно, что никакихъ денегъ у мужика украдено не было, да и суммы въ 500 рублей онъ имѣть не могъ. Когда присяжные удалились для совѣщанія, ихъ старшина, мѣстный помѣщикъ, широко образованный человекъ, отъ котораго вся эта исторія и сдѣлалась извѣстной пишущему эти строки, обратился къ нимъ съ вопросомъ: «Что-же, братцы, такъ и писать: да, виновенъ, но 500 рублей денегъ не похищаль?» Къ удивленію старшины, присяжные — всѣ мѣстные крестьяне — на его вопросъ отвѣтили общимъ молчаніемъ. Онъ сталъ настаивать, повторяя, что дѣло ясное. Съ нимъ не спорили, но отвѣта на его вопросъ все не было. Тянулось молчаніе довольно долго, пока наконецъ одинъ изъ присяжныхъ сказалъ: «Такъ-то оно такъ, баринъ. Только вотъ что. Сдѣлай ты милость, поверни ты эти деньги мужику. Цыганъ, оно конечно, ихъ у кого другого украсть а все-же: мужичекъ, самъ видишь, обстоятельный, онъ бы на эти деньги совсѣмъ поправился.» Всѣ присяжные присоединились къ этому рѣшенію, настойчиво прося своего старшину «повернуть деньги.» Въ теченіе часа старшина убѣждалъ судей совѣсти въ томъ, что они не имѣютъ права обогащать потерпѣвшаго чужимъ краденымъ добромъ, что задержанныя деньги цыгану возвращены не будутъ, а подлежатъ передачѣ полиціи для розысканія собственника. Въ заключеніе болѣшинство состава сдалось на увѣщанія. Опасность неправосуднаго рѣшенія была устранена. Чтобы понять всю силу преодоленнаго въ этомъ случаѣ соблазна, нужно знать глубину вражды русскаго крестьянина къ цыгану-вору.

Въ чемъ главная, отличительная особенность русскаго суда по уставамъ Императора Александра II отъ западныхъ? Авторъ замѣтокъ отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ безъ колебаній: русскій судъ былъ доступнѣе, ближе къ населенію — не географически, а духовно. *былъ человѣчнѣе* судебныхъ учреждений Европы. Казалось бы, что пресловутая пропасть, отдѣлявшая у насъ, въ области культуры, привилегированные слои населенія отъ нисшихъ представляла непреодолимую преграду для

такой близости. А между тѣмъ, погружаясь мысленно въ прошлое, въ окружающую нашъ судъ и его дѣятелей атмосферу, тщетно ищешь, даже теперь послѣ ужасовъ пережитого, хотя бы тѣни не только враждебности, но даже отчужденности населенія въ его отношеніи къ «господамъ», и «вашимъ благородіямъ», занимавшимъ разныя судебныя должности отъ высшихъ до низшихъ. Эти укоренившіяся въ нашей жизни формы обращенія, какъ и столь обычное у насъ «тыканіе» не устраняли человѣчности взаимныхъ отношеній. Авторъ съ невольной улыбкой вспоминаетъ, какъ въ началѣ своей судебной работы онъ принужденъ былъ отказаться отъ рѣшенія не допускать «ты» при сношеніяхъ съ меньшей братіей и только потому, что первымъ неизмѣнно переходилъ «на ты» меньшій братъ. Впрочемъ, и въ этой области неограниченныя возможности нашей родной дѣйствительности преподносили иногда сюрпризы, повергавшіе въ изумленіе даже знавшихъ мѣстную жизнь судебныхъ работниковъ. Пишущій эти строки былъ свидѣтелемъ такого сюрприза въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ г. Ярославлѣ. Въ мѣстномъ судѣ слушалось дѣло о преступленіи, совершонномъ въ одной изъ деревень Ярославскаго уѣзда. Въ числѣ свидѣтелей былъ вызванъ крестьянинъ, лѣтъ тридцати пяти, показаніе котораго въ дѣлѣ особаго вниманія на себя не обращали. Незамѣченнымъ онъ прошелъ и при краткомъ опросѣ его передъ приведеніемъ къ присягѣ. Когда наступила очередь его допроса, предсѣдатель суда Н. А. Манасеинъ пригласилъ его показать все извѣстное ему по дѣлу, причемъ въ началѣ же его разсказа нѣсколько разъ прерывалъ его вопросами, неизмѣнно обращаясь къ нему на «ты». Свидѣтель, по внѣшнему виду типичный ярославскій крестьянинъ, послѣ одного изъ такихъ «ты», пріостановился, сверкнувъ въ сторону предсѣдателя добродушно-ироническимъ взглядомъ, спокойнымъ тономъ произнесъ стѣдующія буквально слова: «Господинъ предсѣдатель, я бы просилъ васъ обращаться ко мнѣ въ общепринятой вѣжливой формѣ». Предсѣдатель вспыхнулъ, опустилъ глаза, пробормоталъ: «продолжайте, свидѣтель», но затѣмъ не выдержалъ и некстати прерывая показанія свидѣтеля, спросилъ: «Вы получили образованіе свидѣтель?» О.: «Да, господинъ предсѣдатель». В.: «Гдѣ вы учились?» О.: «Я окончилъ курсъ Императорскаго Московскаго Университета». Въ оправданіе предсѣдателя и всѣхъ насъ, сразу не разобравшихъ, что мы имѣемъ дѣло съ образованнымъ человѣкомъ, слѣдуетъ замѣтить, что ярославскіе крестьяне, часто обладающіе недюжинными ораторскими способностями, легко усваиваютъ общекультурный языкъ при занятіяхъ своихъ самыми разнообразными видами отхожихъ промысловъ.

Насколько отношенія судебныхъ дѣятелей къ населенію были лишены начальственнаго тона, можно судить по слѣдую-

щему эпизоду, происшедшему равнымъ образомъ въ присутствіи пишущаго эти строки.

Въ уѣздной сессіи ярославскаго окружнаго суда въ г. Пошехонѣ, разсматривалось дѣло о деревенскомъ поджогѣ изъ мести. Дѣло это, какъ и большинство ему подобныхъ, было довольно сложно. Главной свидѣтельницей по дѣлу выступала крестьянка, лѣтъ сорока, сосѣдка потерпѣвшаго, которая устанавливала послѣдовательность ряда мелкихъ событій, имѣвшихъ въ своей совокупности рѣшающее значеніе по дѣлу. Когда наступила очередь ея показанія, она начала свой рассказъ въ спокойно-повѣствовательномъ тонѣ, нѣсколько на распѣвъ, словами: «Было это въ Успеневъ день. Пили мы чай. Онуфрій Ивановъ...» Предсѣдательствовавшій въ засѣданіи членъ суда В. А. Волковъ, престарѣлый, опытный судебный дѣятель изъ помѣщиковъ Ярославскаго уѣзда, нетерпѣливо прервалъ свидѣтельницу: «Намъ не интересно слушать, какъ вы пили чай, свидѣтельница, переходите къ дѣлу». Приостановившись, свидѣтельница вскинула умными глазами на предсѣдателя и, не проявляя ни малѣйшаго признака ни смущенія, ни недовольства, тѣмъ же ровнымъ, нѣвучимъ голосомъ продолжала: «Такъ, говорю я. Пили это мы чай. Онуфрій Ивановъ...» Раздраженный предсѣдательствующій вновь остановилъ свидѣтельницу. На этотъ разъ она, смотря предсѣдательствующему въ глаза, внушительнымъ тономъ, но не повышая голоса, произнесла: «Ты, батюшка, не серчай. Дай слово сказать. Я и до дѣла дойду». Внушительность тона, вѣра въ свою правоту этой простой женщины были таковы, что смущенный баринъ-предсѣдатель не рѣшился уже ея прерывать. Въ результатѣ она по выпитымъ чашкамъ возстановила всю картину событій съ такой доходящей до картинности ясностью, что и судъ, и присяжные сразу усвоили всѣ перенетія дѣла. Прошло болѣе тридцати лѣтъ, а и теперь показаніе этой крестьянки Пошехонскаго уѣзда — одно изъ незабываемыхъ воспоминаній о силѣ нашей народной рѣчи.

Теперь, послѣ знакомства съ западными порядками, невольно себя спрашиваешь: въ какомъ иностранномъ европейскомъ судѣ возможно такое подчиненіе начальника-судьи свидѣльницѣ - крестьянкѣ и притомъ въ совершенно мирныхъ тонахъ, какъ естественное проявленіе свойственныхъ нашему быту отношеній къ населенію? На Западѣ, несмотря на равные для всѣхъ «господинъ», «госпожа», предсѣдатель въ судебномъ засѣданіи для свидѣтеля только начальство, свидѣтель для предсѣдателя только подчиненный ему органъ освѣдомленія. У насъ — умная, сознающая свою правоту женщина, не вызывая ни съ чьей стороны ни протеста, ни изумленія, добродушно ставитъ на мѣсто певпору разгорячившагося старичка. На Западѣ — свобода, равенство и братство, бессильныя противъ окаменѣвшихъ вѣковыхъ перегородокъ между людьми разныхъ

положеній, разныхъ классовъ; у насъ — человѣчность, проникающая черезъ всѣ щели непрочныхъ деревянныхъ переборокъ. наставленныхъ во множествѣ на нашей деревенской Руси и закономъ, и обычаемъ...

Когда вспоминаешь о русскомъ дореволюціонномъ судѣ, невольно наталкиваешься на вопросъ о судейской независимости. Западъ привыкъ къ тому, что политическія теченія даннаго момента отражаются и на судебныхъ рѣшеніяхъ. У насъ вокругъ этого вопроса много и часто суетились крайніе фланги нашей общественности и справа, и слѣва. И тѣ, и другіе подходили къ нему главнымъ образомъ, если не исключительно, подъ политическимъ угломъ зрѣнія и отождествляли судейскую независимость съ несмѣняемостью суда. Для однихъ судейская несмѣняемость представлялась несомнѣваемой съ нашимъ политическимъ строемъ, для другихъ она была дорога, какъ одна изъ принадлежностей столь заманчиваго для нихъ западно-европейскаго демократически-парламентарнаго строя. Лѣвые радикалы часто заподозрѣвали императорское правительство въ попыткахъ вліять на судейскую совѣсть, охотно распускали слухи о предстоящей отмѣнѣ судейской несмѣняемости, которая благодаря шумихѣ пріобрѣла у насъ преувеличенное значеніе. У насъ забывали, что всякое правительство имѣетъ возможность, буде оно къ тому склонно, воздѣйствовать на поддающуюся такому воздѣйствію судейскую совѣсть — соблазнами выгодъ и наградъ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ угрозами смѣщенія или перемѣщенія. Крайне характерно, что за все время существованія русскаго суда по уставамъ Императора Александра II единственная серьезная попытка отмѣны судейской несмѣняемости была предпринята нашей лѣвой общественностью, оказавшейся у правительственнаго кормила, въ обликѣ Временнаго Правительства. Проектъ этой безумной мѣры былъ внесенъ на разсмотрѣніе особой комиссіи изъ высшихъ судебныхъ чиновъ министромъ юстиціи и генераль-прокуроромъ А. Ф. Керенскимъ. Если бы этотъ проектъ удалось осуществить, его практическія послѣдствія ограничились бы увольненіемъ нѣсколькихъ судей и замѣной ихъ политическими сторонниками г. Керенскаго. Сломить судейскую независимость подобнымъ путемъ не удалось бы, такъ какъ она не отъ тѣла, а отъ духа, не отъ организациі, а отъ опредѣленнаго, созданнаго жизнью настроенія. Судейская несмѣняемость поддерживаетъ существующій духъ судейской независимости, но она такъ же бессильна его создать, какъ ея отмѣна — его сломать.

Въ Россіи духъ независимости въ судебной средѣ былъ живъ. Онъ упрочился въ нравахъ судебныхъ работниковъ. Подчиненности тамъ не было не только во взаимоотношеніяхъ судей разныхъ ступеней, но и въ прокуратурѣ, гдѣ по закону она существовала. Введенный судебными уставами законный

терминъ «товарищъ прокурора», замѣнявшій юридически болѣе точное выраженіе: «помощникъ прокурора», жизнью превращенъ былъ въ лозунгъ, въ принципъ взаимоотношеній. И въ прокуратурѣ не приказывали, а убѣждали, просили. На свободу убѣжденія въ пониманіи не только существа дѣла, но и юридическихъ проблемъ, никакое начальство не только никогда не посягало, но и посягнуть бы не могло, настолько подобная попытка противорѣчила установившимся привычкамъ. Тридцатипятилѣтнее служеніе дѣлу правосудія въ рядахъ русской магистратуры и прокуратуры даетъ автору этихъ замѣтокъ нравственное право утверждать, что *ни одного случая* давленія сверху на совѣсть не только судей, но и чиновъ прокуратуры ему неизвѣстно, хотя лично ему пришлось принимать участіе и въ качествѣ судьи, и какъ представителю государственнаго обвиненія въ цѣломъ рядѣ процессовъ, затрагивавшихъ интересы центральной власти.

Въ области правовой одинъ изъ бичей населенія — медленность судебной процедуры. Судъ долженъ быть не только правымъ и равнымъ для всѣхъ, но и «скорымъ». Запоздалое возстановленіе нарушеннаго права утрачиваетъ часто свое практическое значеніе. Медленность суда подчасъ равносильна отказу въ правосудіи.

Казалось бы, что быстрота судебной процедуры зависитъ главнымъ образомъ отъ надлежащей технической организаціи судебныхъ органовъ. Въ дѣйствительности и здѣсь — больше отъ духа, чѣмъ отъ техники. Человѣческій трудъ эластиченъ. Количество работы, выпадающей на долю судебныхъ дѣятелей разныхъ странъ, не одинаково. По числу дѣлъ, приходившемуся на отдѣльныхъ членовъ магистратуры и прокуратуры, русской судъ былъ самымъ обремененнымъ въ Европѣ. Несмотря на это, медленность производства не доходила до европейскихъ образцовъ. Съ неизмѣнно увеличивающейся работой справлялись цѣною удлиненія рабочаго дня. Засѣданія, какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ, очень часто заканчивались даже не вечеромъ, а ночью. Всѣ дѣла, назначенныя на определенное засѣданіе, разрѣшались хотя бы цѣною продолженія засѣданія на слѣдующій день. Отложенія самимъ судомъ, помимо просьбы сторонъ, гражданскихъ дѣлъ, подчасъ на мѣсяцы, какъ это практикуется въ Европѣ, — у насъ не допускалось. Священнаго момента наступленія обвиненнаго часа, когда механически прерываются занятія во всѣхъ правительственныхъ мѣстахъ, не исключая судовъ. Императорская Россія не знала.

Инерціи одухотворяющаго судебные уставы идеализма хватило до конца.

В. Носовичъ.